СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Сергей Войтиков

ЗА ФАСАДОМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

СОВЕТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ОТ КАЛИНИНА ДО ГРОМЫКО

Сергей Сергеевич Войтиков

За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65062992
За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко / Сергей Войтиков: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8635-7

Аннотация

После Октябрьской революции 1917 года верховным законодательным органом РСФСР стал ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет, который давал общее направление деятельности правительства и всех органов власти. С образованием СССР в 1922 году был создан Центральный исполнительный комитет – сначала однопалатный, а с 1924 года – двухпалатный высший орган госвласти в период между Всесоюзными съездами Советов. Он имел широкие полномочия в экономической области, в утверждение госбюджета, ратификации международных договоров и т. д. В 1936 году, после принятия

новой Конституции, на смену ЦИКу пришел Верховный Совет, состоящий из двух палат.

О сложной, драматической судьбе российского парламентаризма рассказывается в очередной книге серии.

Содержание

Введение 7
Раздел I. Советский парламент после образования СССР 10
Глава 1. «Ты был у себя в деревне сельским старостой…» М. И. Калинин во главе государства Советов 10
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Сергей Войтиков
За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко

– Когда я говорю «настоящий парламент», сеньоры, – начал хозяин, – то я подразумеваю тот, который очищен полковником Приджем.

– Ах, как хорошо! – воскликнул д'Артаньян. – Здешний (английский. – С.В.) народ, право, не глуп. Когда мы вернемся во Францию, нужно будет надоумить об этом кардинала Мазарини и коадъютора. Один будет очищать парламент в пользу двора, а другой – в пользу народа, так что от парламента ничего не останется.

Александр Дюма. Двадцать лет спустя[1]

Я прошу решительного Вашего вмешательства в эти «тайны советского двора».

Максим Горький. Письмо А. И. Рыкову. 2 ноября 1920 г.[2]

Бокля, Миля,
Конта, Канта
сто раз легче прочитать

и дойти до их субстанта,
чем тебя,
мой друг, понять.

И. Ст[алин]. Послание Михаилу Калинину. 21 января 1933 г.[3]

Введение

Историю союзного «парламента»[1]: Центрального испол-

[1] Мы будем иногда позволять себе данную дефиницию, дабы глаза читателя не утомила частая встреча с советскими аббревиатурами. Большевики термин «парламент» не любили и использовали, когда говорили и писали о ВЦИК, ЦИК СССР и Верховном Совете СССР, крайне редко. Весьма показательна следующая фраза из фундаментального «труда» Л. Д. Троцкого о И. В. Сталине: после Февраля 1917 г. «вчерашние подпольщики сразу стали играть крупную роль. Советы заменили им парламенты» (Троцкий Л. Д. Сталин. М., 2017. С. 265). Идеолог группы демократического централизма Н. Осинский (В. В. Оболенский) констатировал в своей агитационно-пропагандистской брошюре, подготовленной в рамках работы Отдела советской пропаганды ВЦИК в 1920 г.: «В Советской республике нет парламента, а есть Советы депутатов. В них выбирают только рабочие и крестьяне (даже когда в нашей стране ввели всеобщие выборы, полноценного “парламента” не вышло. – С.В.). Парламенты только пишут законы, а чиновники выполняют их. Советы же сами издают законы, сами и выполняют их; советские чиновники – под командой у Совета, они распоряжаются не сами, а так, как им укажет Совет…» (Осинский Н. Демократическая Республика и Советская Республика. Екатеринослав, 1920. С. 11). В указанной цитате – традиционная большевистская демагогия о Советах как органах «народовластия», однако она важна потому, что твердо показывает: в РКП(б) термин «парламент» носил негативный оттенок. Использовав 6 февраля 1936 г. эту дефиницию в выступлении на VII съезде Советов СССР в 1935 г., когда перед сталинским руководством встал вопрос о необходимости серьезных изменений в Конституции СССР, председатель СНК СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) словно бы извинился за нелестное сравнение ЦИК СССР с буржуазным парламентом: «Но то, что было лучшего в парламентаризме, а именно: прямые, равные и закрытые выборы представителей в органы государственного управления при всеобщем участии в этом всех трудящихся, как этого требует советская Конституция, должно быть теперь полностью проведено в Советском Союзе. Мы получаем таким обра-

нительного комитета (ЦИК) СССР и затем Верховного Совета СССР – сложно признать белым пятном в отечественной историографии. Из общего массива литературы по проблеме следует выделить публикации Ю. Н. Жукова о «теневой стороне» принятия Конституции СССР 1936 г.[4] и В. Л. Пархимовича о позднесоветском механизме взаимодействия «представительных органов» СССР[5].

В настоящей книге, впервые в историографии, изучена история взаимодействия ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) в двадцатые годы и политического убиения союзного «парламента» как альтернативного ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС центра власти в тридцатые, а также эра «худосочного функционирования» Верховного Совета СССР в позднесоветский период[6]. Книга основана на материалах пяти федеральных и региональных архивов – Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы), Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), Российского государственного военного архива (РГВА), а также опубликованных источниках.

зом дальнейшее развитие советской системы в виде соединения непосредственно выбранных местных советов с непосредственными же выборами своего рода советских парламентов в республиках и общесоюзного советского парламента» (Молотов В. М., Енукидзе А. С. Об изменениях в Советской Конституции. М.; Куйбышев, 1935. С. 36).

Автор признателен за ценные советы коллегам – архивистам и историкам: д.и.н. Ю. Н. Жукову (ИРИ РАН); к.и.н. А. Н. Дугину; д.и.н. Т. Г. Архиповой и к.и.н. А. В. Крушельницкому (Историко-архивный институт РГГУ); д.и.н. А. А. Куренышеву и д.и.н. В. Ж. Цветкову (МПГУ); д.и.н. М. В. Ходякову и к.и.н. И. С. Ратьковскому (Санкт-Петербургский государственный университет); Н. А. Тесемниковой, Л. Л. Носыревой и отдельно О. А. Гришиной (ЦГА Москвы); А. Н. Казакевичу (ЦГАМО); И. Н. Селезнёвой, И. П. Кремень, Т. А. Сихимбаевой, Е. К. Тарасовой, М. С. Шрубак, к.и.н. Г. А. Куренкову и М. В. Страхову (РГАСПИ); д.и.н. Н. С. Тарховой (РГВА); Н. А. Демидовой (ЦГАМО); к. филос.н. В. С. Ещенко (журнал «Военно-исторический архив»).

Раздел I. Советский парламент после образования СССР

Глава 1. «Ты был у себя в деревне сельским старостой…» М. И. Калинин во главе государства Советов

Во второй половине 1918 г. – начале 1919 г. в Российской коммунистической партии большевиков развернулось противостояние двух лидеров ЦК – председателя Совета народных комиссаров, основателя партии В. И. Ленина, с одной стороны, и председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета, руководителя Секретариата ЦК РКП(б), самопровозглашенного «председателя ЦК РКП» Я. М. Свердлова, фактически объединившего два альтернативных ленинскому правительству центра власти – «парламент» и центральный партаппарат[7].

16 марта 1919 г. положение в большевистской верхушке резко изменилось: Я. М. Свердлов ушел из жизни, или, по язвительной иронии И. В. Сталина, «сгорел на работе по строительству партии и государства», что не могло не отра-

зиться на судьбе возглавляемого им советского «парламента». Уже в день смерти Свердлова члены Центрального комитета РКП(б) собрались на Пленум ЦК для решения вопроса о власти, и в частности о судьбе ВЦИК.

Протокол заседания зафиксировал дебаты по этому вопросу – обстоятельство, крайне нехарактерное для протоколов заседания ЦК. В ходе этих дебатов «выяснилась необходимость изменения общей политики по отношению к [В]ЦИК». На заседании присутствовали: В. И. Ленин, И. Т. Смилга, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, Г. Я. Сокольников, Г. Е. Зиновьев, М. М. Лашевич, Ф. Э. Дзержинский, Н. Н. Крестинский, М. Ф. Владимирский, Е. Д. Стасова, а также первый председатель ВЦИК Л. Б. Каменев с совещательным голосом. Судя по протоколу, В. И. Ленин сумел «продавить» окончательное уничтожение ВЦИК как альтернативного Совнаркому центра власти: «Везде придется заменить его (покойного Я. М. Свердлова. – *С.В.*) коллективной работой. ВЦИК необходимо реформировать в смысле состава и работы»[8]. ЦК РКП(б) постановил: «1. Политика в настоящий момент сосредоточивается в сторону мира со средним крестьянством. 2. Состав и работа ЦИК перереорганизуется (так в тексте, имеется в виду “перестраивается”. – *С.В.*). 3. Издается ряд декретов по адресу среднего крестьянства. 4. [НКВД] и [Наркомат государственного] контроля реформируются. 5. Временным заместителем впредь до выбора Председателя ВЦИК является [член Президиума ВЦИК]

т. [М.Ф.] Владимирский»[9].

В утвержденной VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. Программе партии было четко зафиксировано: «Обеспечивая для трудящихся масс несравненно большую возможность, чем при буржуазной демократии и парламентаризме, производить выборы и отзыв депутатов наиболее легким и доступным для рабочих и крестьян способом, советская власть в то же время уничтожает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей, оторванность представительных учреждений от масс и пр.»[10]. Как видим, в Программе правящей партии закреплялось отсутствие четкого разграничения компетенции ВЦИК и Совнаркома и создавались партийные предпосылки для активной деятельности председателя и секретаря ВЦИК по приему ходоков во власть, борцов за правду.

Что же касается должности председателя ВЦИК, то, как посчитал историк-публицист В. Д. Тополянский, после смерти Свердлова она «стала чисто декоративной»[11]. Как известно, на высшем советского посту властного Я. М. Свердлова сменил безвластный М. И. Калинин, которого Л. Д. Троцкий справедливо назвал «формальным главой государства»[12].

Между прочим, в воспоминаниях Л. Д. Троцкий приписал рекомендацию «почтенного Михаила Ивановича»[13] на пост председателя ВЦИК себе: он-де рассматривал Калини-

на как «лицо, близкое к крестьянам-середнякам и хорошо знавшее их нужды»[14]. Но, учитывая, что этот сомнительный тезис был призван в т. н. «воспоминаниях» проиллюстрировать своевременность поворота самого Троцкого лицом к среднему крестьянству, принимать его на веру не стоит, тем более что у Троцкого как высшего военного руководителя Советской России в этот период и без среднего крестьянства дел было более чем достаточно – как на фронте, так и в центре.

Впервые на высокий пост М. И. Калинин был избран на VI (Пражской) конференции РСДРП 1912 г., с которой ведет свою историю собственно ленинская партия: будучи членом Петербургского комитета, Калинин стал кандидатом в члены ЦК[15]. То есть Калинин входил кандидатом в состав высшего большевистского руководства задолго до прихода партии к власти.

Еще в период «Смольного и около Смольного» [16] (выражение Ленина) М. И. Калинин стал выручать В. Д. Бонч-Бруевича, поскольку оттянул на себя часть ходоков к вождю, которых по должности был обязан принимать В. Д. Бонч-Бруевич. По словам последнего, «первое время»[17], после назначения управляющим делами Совнаркома к нему приходило «так много» народу, что «не было возможности их всех принять. С полного согласия Владимира Ильича с первых дней каждому посетителю, кто бы они ни были, дана была возможность совершенно свободно прийти в правительство

для заявления на свои нужды. Очень много народу приходило из любопытства, по самым малейшим пустякам, и в первые же дни стало ясно, что таких посетителей необходимо направлять в другие места. В скором времени мы стали направлять в Городскую думу, раз это касалось городских дел, где все дела забирал в свои крепкие руки Михаил Иванович Калинин»[18]. Опыт – великая вещь.

М. И. Калинин в конце 1918 – начале 1919 г. как председатель Совета коммунального хозяйства Петрограда дважды стал объектом пристального внимания В. И. Ленина[19]. Вначале председатель СНК ознакомился с подробным докладом Калинина, составленным на основании годового опыта руководства, о политическом и экономическом положении Советской республики, о роли коммунального хозяйства в производстве и распределении товаров, о взаимоотношениях – что было нехарактерно для правоверного партийца – с мелкой буржуазией и о необходимости длительного союза с ней. Мало того, что ознакомился – сделал нехарактерную помету: «*N[ota] B[ene] Калинин*»[20]. А впоследствии М. И. Калинин и С. Н. Равич удостоились высочайшей аудиенции, из которой вождь, между прочим, сделал весьма ценный вывод: «Девять десятых высшего аппарата власти в Питере заняты безделием»[21]. (Ничего удивительного не было: 4 июня 1918 г. член ЦК РКП(б) Е. Д. Стасова писала техническому секретарю ЦК К. Т. Новгородцевой: 31 мая Г. Е. Зиновьев указал на собрании районных

партийцев, ПК, Северного областного комитета и его комиссариатов, профсоюзов и больничных касс «на полный развал партийной работы ввиду того, что публика засела в разных коллегиях, комиссариатах и так далее и погрязла в канцелярщину, с одной стороны, и в чиновничество (служат до [16 час.]) – с другой»[22].) Прежде всего В. И. Ленин имел в виду своего же ставленника в колыбели революции Г. Е. Зиновьева, сразу же получившего ценные указания председателя СНК РСФСР[23], но вообще-то едкий вывод вождя задевал и самого М. И. Калинина, который, по сути, был комиссаром петроградского городского хозяйства-призрака. Видимо, будущий председатель ВЦИК показался вождю человеком, который не станет особенно мешать ему на высоком посту руководителя Советского государства. С другой стороны, В. И. Ленина как «творца»[24] фиктивного «союза рабочих и крестьян», т. е. временной тактической уступки большинству населения России, преследовавшей военные и политические цели (в качестве таковой рассматривал «союз» замечательный специалист по истории советского государственного и военного строительства М. А. Молодцыгин), должна была подкупать фигура М. И. Калинина как партийца, парадоксально ориентированного по своим взглядам на длительное взаимодействие с мелкобуржуазными элементами.

Л. Д. Троцкому привиделось 23 октября 1923 г., что после смерти Я. М. Свердлова В. И. Ленин считал возможным вернуть на пост главы Советского государства Л. Б. Каменева,

но сам Троцкий «…высказался за то, чтобы на этот пост была поставлена фигура, способная привлечь к советской власти крестьянство». В. И. Ленин, «а за ним и Политбюро» якобы приняли «этот план», и тогда Л. Д. Троцкий выдвинул кандидатуру М. И. Калинина[25].

Однако тот «факт», что кандидатуру Калинина выдвинул Троцкий, представляется более чем спорным, учитывая, что в ЦК РКП(б) состоялось не только обсуждение кандидатур на пост главы Советского государства, но и голосование по этому вопросу. 25 марта В. И. Ленин записал результаты обсуждения кандидатур на пост председателя ВЦИК и сделал различные пометы[26]: «Калин[ин] – 7, Нев[ский] – 2, Рыков – 4, Томск[ий] – 3, Дзер[жинский] – 1. а) состав ЦИК; в) через партийный пленум; б) делегации; д) Рыков»[27]. В каком-то смысле М. И. Калинин стал первым и единственным главой Советского государства, выбранным в рамках большевистской системы «демократического централизма». Весьма символично, что результаты голосования по вопросу о новом руководителе Советского государства зафиксировали на обороте письма из Наркомата по иностранным делам РСФСР[28], т. е., прямо говоря, на оборотке. Особенно интересно, кому пришла в голову светлая мысль выдвинуть на пост главы государства главу карательно-репрессивного аппарата – Ф. Э. Дзержинского. Не исключено, что в Советском государстве это был первый самовыдвиженец, потому что Дзержинский рвался к власти, а вождь неизменно чи-

нил ему препятствия. В любом случае избрание председателя ВЧК в председатели ВЦИК стало особенно нежелательным в свете сворачивания в марте 1919 г. курса Я. М. Свердлова и Л. Д. Троцкого на разжигание Гражданской войны. Таким образом, заменить Я. М. Свердлова на посту председателя ВЦИК помимо М. И. Калинина могли А. И. Рыков, М. П. Томский, В. И. Невский[29] и Ф. Э. Дзержинский. Старая большевистская гвардия, по всей видимости, желала видеть на посту председателя ВЦИК А. И. Рыкова, которого, в отличие от М. И. Калинина, хорошо знала как достаточно принципиального, весьма работоспособного и лично глубоко порядочного человека. Как это ни парадоксально, на «мельницу» А. И. Рыкова объективно лило воду его «соглашательское» и «примиренческое» партийное прошлое. Однако А. И. Рыков был нужен В. И. Ленину в правительстве, а во ВЦИК – безликий и близкий к крестьянству человек с компроматом (в данном случае – в виде умиравшего от голода Петрограда).

Заметим, что в одной из советских биографий М. И. Калинина сказано: «В марте 1919 г. неожиданно умер Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов – пламенный революционер, выдающийся деятель партии и Советского государства. Актив петроградских большевиков, Петроградский совет выдвинули на пост Председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина, только что избранного на VIII съезде партии членом ЦК РКП(б), а на последовавшем за ним Пленуме ЦК – кан-

дидатом в члены Политбюро». Далее – рассказ о 12-м заседании ВЦИК, на котором В. И. Ленин и провел кандидатуру М. И. Калинина при поддержке других большевиков[30].

30 марта В. И. Ленин выступил на заседании ВЦИК во 2-м доме Советов с речью о кандидатуре М. И. Калинина на пост председателя ВЦИК. Начал с ритуального сетования на то, что «найти настоящего заместителя т. Якову Михайловичу Свердлову – задача чрезвычайно трудная (главное – ставить такую задачу не имеет ни малейшего смысла. – *С.В.*), т. к. совместить в одном лице и ответственного партийного работника, в тому же знающего историю партии, и вместе с тем человека, прекрасно разбирающегося в людях и умеющего выбирать их на ответственные советские посты, – почти невозможно»[31]. Вождь заявил о том, что Свердлова придется менять на «целые коллегии»[32]. Однако о Президиуме ВЦИК он в данном контексте даже и не вспомнил. Сразу заявил: «Что же касается председателя, то тут нужно поставить вопрос так, чтобы он выявлял линию партии по отношению к крестьянству»[33]. В данном случае основатель большевистской партии четко определил, к какой функции будет отныне сводиться должность «главы» Советского государства. Настолько четко, что сразу же сделал иллюзию двух задач: «осведомления и оповещения»[34]. Для решения этой «двуединой» задачи как нельзя лучше подходил «крестьянин Тверской губернии»[35] Калинин, который должен был помочь РКП(б) «… практическим путем

организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством»[36].

Ленин указал, что Калинин как представитель рабочего класса и трудового крестьянства поможет наладить взаимоотношения со средним крестьянством и Советская «Россия станет не только образцом страны, в которой диктатура пролетариата осуществлена твердо и буржуазия беспощадно подавлена […] но и образцом страны, в котором отношения между городскими рабочими и средним крестьянством, на основании товарищеской поддержки и нового опыта, решаются удовлетворительно, – а это один из главных залогов полной победы пролетарской революции»[37].

В. Д. Тополянский (поверхностно, но, надо признать, с большой иронией) пояснил: «С легким сердцем передал Ленин этот пост бесцветному М. И. Калинину, [которого] послушный ВЦИК единогласно признал […] своим председателем. Напутствуя номинального главу государства и по привычке паясничая, Троцкий выпалил одну из своих эпохальных фраз: “Ты был у себя в деревне сельским старостой, а теперь будь у нас всероссийским старостой!”»[38] (Ф. Искандер в романе «Сандро из Чегема», описывая события 1935 г., вложил в уста Сталина хозяйское, совсем уже унизительное определение Калинина: «мой всесоюзный козел».)

В действительности совсем уж «бесцветным» Калинин отнюдь не был. Незадолго до мартовских событий, 25 января

1919 г., он напечатал «в порядке дискуссии» в «Петроградской правде» статью «Мелкая буржуазия и диктатура пролетариата», в которой написал: «Я думаю, не погрешая против основных принципов коммунизма, что мы можем дать мелкой буржуазии не меньше, чем давал ей капиталистический строй… Наше советское правительство должно гарантировать право на мелкую собственность… Мало ограничиться лишь политическими поблажками, если мы не укрепимся экономически, то таковое сближение будет кратковременным… Международное политическое положение заставляет нас искать более или менее длительного союза с нею, длительный же союз может быть укреплен только экономически… И тут невольно возникает вопрос, какие компенсации мы можем предложить мелкой буржуазии?.. Правительство должно гарантировать право на мелкую собственность… Правительство разрешает крестьянину, ремесленнику, кустарю, мелкому огороднику, мелкому торговцу, мешочнику пользоваться наемным трудом под контролем Совета профессиональных союзов. Большего мелкий буржуа в истории никогда не имел и его претензии дальше не идут»[39]. Р. А. Медведев, комментируя данную статью, справедливо заметил: «По тем временам это были не только разумные, но и смелые предложения»[40].

В начале апреля 1919 г. М. И. Калинин заявил в своей «тронной» речи на заседании ВЦИК 6-го созыва: «Товарищи, благодарю вас за то доверие, которое вы оказали

мне избранием на столь ответственный пост Советской Республики. Это доверие я принимаю, как доверие Революционному Петроградскому пролетариату от Российских рабоче-крестьянских масс. Я с глубоким сожалением оставил работу в рядах Петроградского пролетариата. Только стремление Петроградских рабочих ставить интересы рабочего движения в целом выше интересов своего округа заставили их выделить из своей среды много работников для работы в центре и на фронтах. Товарищи, мое избрание я рассматриваю, как символ тесного союза крестьян с рабочими массами, т. к. в моем лице объединяется рабочий Петрограда с Тверским крестьянином»[41].

М. И. Калинин предложил признать, «…что в некоторых местах Советской Республики есть недовольство крестьян, есть нарекания на местную советскую власть. Причин, способствующих недовольству и нареканию, много: многолетняя война, разрушившая наше хозяйство, полтора года борьбы с буржуазией, с остатками царизма, наша неподготовленность к управлению, наша малая работоспособность, непривычка к организации, к тому же злонамеренность некоторых лиц (Свердлова? Левых коммунистов? – *С.В.*), преступно, злостно дискредитирующих советскую власть, подкупы наших врагов, стремящихся посеять враждебное настроение к рабоче-крестьянскому правительству»[42]. Сказать по правде, таким настроем нового «главы» Советской России осталась бы довольна даже вождь левых эсеров, пламенная за-

щитница трудящегося крестьянства М. А. Спиридонова.

М. И. Калинин подчеркнул, что «…рабочий класс и крестьянство с их правительством во главе должны приложить все усилия к укреплению союза рабочих и крестьян, сделать его стойким, нерушимым, способным выдерживать самые жестокие натиски буржуазных банд и наймитов»[43].

Нельзя не отметить, что услышать что-либо подобное от Я. М. Сверлова было совершенно невозможно. Левые коммунисты и главный лоббист их интересов в ЦК РКП(б) сделали в 1918 г. все для разжигания Гражданской войны в деревне. Принятый VIII съездом РКП(б) 1919 г. курс на союз со средним крестьянством стал бы окончательным политическим поражением самопровозглашенного «председателя ЦК». Но и в случае такого поражения, останься Я. М. Свердлов на высшем советском посту, он был не смог заставить себя декларировать, как это сделал М. И. Калинин: «…советское правительство представляет одинаково (! – *С.В.*) крестьян и рабочих (обратите внимание также на порядок слов. – *С.В.*), а потому ему одинаково дороги интересы трудящихся города и деревни»[44].

В выступлении М. И. Калинина был намечен ряд конкретных мер по исправлению отношения местных советов к крестьянству, и прежде всего среднему, на местах. Судя по всему, действительно велась и разработка конкретных «практических мероприятий»[45], которые предполагалось внести на утверждение СНК и ВЦИК (последовательность, которой

высшие советские органы назвал Калинин) «в самом ближайшем будущем»[46].

С усаживанием в председательское кресло М. И. Калинина в советском парламенте началась эра «худосочного функционирования»[47]. Такое яркое определение не без ехидства дал в декабре 1919 г. руководитель Секретариата ЦК и член Политбюро ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский. Примечательно, что, как с гордостью писала советская историография, вскоре после VIII съезда большевистской партии новый председатель ВЦИК «выехал на места» и объездил на агитационно-инструкторском поезде «Октябрьская революция» «…города и селения, выступая на многочисленных собраниях и митингах, проводил беседы с крестьянами, инструктировал партийные и советские организации (для которых такая поддержка стала, скорее всего, лишней обузой. – *С.В.*). Теснейшая связь с народом, глубокая вера в его творческие силы пронизывает всю деятельность М. И. Калинина во время этих поездок»[48]. В данном случае М. И. Калинин буквально выполнял возложенную на него В. И. Лениным на заседании ВЦИК 30 марта 1919 г. задачу «…практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством»[49].

Впрочем, Калинин и без «заветов» Ильича предпочел, будучи главой государства Советов, «обогащение новым революционным опытом практики социалистического строи-

тельства»[50] на местах скрупулезной работе в центре.

В принципе кочевой образ жизни был характерен для большинства членов Центрального комитета РКП(б). В Отчете о работе ЦК РКП за время с 15 сентября по 15 декабря 1920 г. констатировалось: «За отчетный период большая часть членов ЦК выезжала из Москвы с различного рода партийными и советскими поручениями. Так, т. Зиновьев ездил в Германию на съезд независимых и в Харьков на Всеукраинскую конференцию; т. Троцкий ездил несколько раз на фронт и затем вместе с тт. Серебряковым и Раковским в составе уполномоченной комиссии объехал Донбасс; т. Сталин, по возвращении с фронта, по поручению ЦК объехал Северный Кавказ и Азербайджан. Тов. Калинин был на фронте и в Сибири; тт. Каменев и Преображенский ездили на Южный фронт, и т. Преображенский затем совершил поездку в Тулу для разрешения возникшего там конфликта и в Ярославль на губернскую партийную конференцию. Тов. Артем, по возвращении из поездки в составе профессиональной делегации по Европе, выезжал по поручению ЦК в Тулу в составе партийного суда. Тов. Андреев объезжает в настоящее время Урал и, наконец, т. Крестинский ездил в Тулу на губернскую партийную конференцию»[51].

Следует обратить внимание на тот факт, что поезда при ВЦИК стали организовывать еще при Я. М. Свердлове. Как установил сотрудник Общего отдела ЦК КПСС Р. А. Усиков, подготовивший первую серьезную документальную под-

борку о поездах и пароходе при ВЦИК, первый «военно-подвижной фронтовой литературный поезд», названный именем В. И. Ленина, организовал в августе 1918 г. (в то же самое время, что и поезд Троцкого – «летучий аппарат управления» наркома по военным делам РСФСР) Военный отдел Издательства ВЦИК[52]: «Этот отдел, занимавшийся изданием военно-популярной литературы, имел также задание распространять партийную и советскую литературу на фронтах (формально в то время был только один фронт – Восточный, на который, собственно, и отправился первый вциковский поезд в свою первую поездку. – *С.В.*) среди красноармейских частей»[53]. Оборудовали поезд в главных курских ж.-д. мастерских. 13 августа на вокзале проводили поезд, отправляющийся на Восточный фронт, Я. М. Свердлов, Л. С. Сосновский, В. А. Антонов-Овсеенко и другие большевистские деятели. Поезд возглавил Я. И. Буров[54]. Проработав на Московско-Казанской линии железной дороги около двух недель, поезд к 1 сентября вернулся в Москву[55].

Всего в годы Гражданской войны при ВЦИК действовали 5 поездов и один пароход: 1. «Поезд имени Ленина» (первая поездка началась 13 августа 1918 г.). 2. Поезд «Октябрьская революция» (первая поездка началась 29 апреля 1919 г.). 3. Поезд «Красный Восток» (первая поездка началась в конце января 1920 г.). 4. Поезд «Красный Казак» (двинулся из Москвы во главе с членом Президиума ВЦИК Яном Полуяном и рядом работников Казачьего отдела ВЦИК, нарко-

матов и аппарата ЦК 9 апреля 1920 г.). 5. Поезд «Красный Кавказ» (первая поездка началась 1 июля 1920 г.). Кроме того, 6 июля 1919 г. вышел в свой первый рейс агитационный пароход «Красная Звезда» (бывший «Антон Чехов»)[56]. Ключевыми подразделениями указанных поездов становились политотделы, инструктировавшие и инспектировавшие местные советские и партийные организации и проводившие массовую агитацию среди населения, и бюро жалоб, причем в ряде случаев работа этих бюро «неизбежно соединялась со следственной работой»[57] органов ЧК и госконтроля, особых отделов и революционных трибуналов. В поездах и на пароходе также действовали информационные отделы (вели вспомогательную работу для политотделов) и отделы РОСТа, издававшие газеты, листовки, воззвания и руководившие работой поездной радиостанции (кроме того, начальники отделов РОСТа инструктировали местные печатные органы и при необходимости действовали как политработники политотдела)[58]. Как установила В. М. Клеандрова, количество инструкторско-агитационных поездов сокращалось по мере расширения территории Советской России и побед большевиков над их политическими противниками в Гражданской войне[59].

Поезд «Октябрьская революция» начал свои поездки 29 апреля 1919 г., т. е. вскоре после избрания М. И. Калинина на высший советский пост. Деятельность как поезда, так и его руководителя вызывала откровенное раздражение за-

ведующего Отделом агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК, которого назначил Я. М. Свердлов и который явно привык по этой причине к планомерной, целенаправленной работе. В своей статье «Возникновение, аппарат и работа агитпар[т] поездов ВЦИК» Я. И. Буров прямо заявил: поезд «Октябрьская революция» сделал «самое большое количество рейсов (12). Однако необходимо указать, что как само количество рейсов, так и характер работы этого поезда совершенно отличается от поездок всех других агитпар[т] поездов. Во главе поезда все время ездил председатель ВЦИК т. Калинин. Перед поездками не велось никаких подготовительных работ с политработниками. Последние собирались за несколько дней до отправки посредством телефонограммы т. Калинина в наркоматы. Продолжительность рейсов этого поезда обычно сводилась в среднем к трем неделям со средней затратой времени на стоянках по 10–12 часов, в то время как все другие агитационно-инструкторские поезда (и пароходы “Красная звезда”) тратили на поездку до трех месяцев, а на стоянку – двое суток (о такой организации работы поезда Калинина могли только мечтать товарищи главы Советского государства по Президиуму ВЦИК. – *С.В.*). Характер работы поезда “Октябрьская революция” также коренным образом отличается от работы всех остальных поездов (и парохода) организации. В то время как все агитпар[т] поезда ведут более или менее глубокую инструкторскую работу, поездки поезда “Октябрьская револю-

ция” сводятся в общем к политической демонстрации и поверхностному инструктированию»[60].

Много позднее (1945) старый большевик Н. И. Подвойский написал в статье «Президент советского народа»: «В разгар Гражданской войны, после избрания на пост Председателя ВЦИК Михаил Иванович организовал большой агитпоезд “Октябрьская революция”. В этот поезд он собрал работников разных специальностей. Поезд захватывал оружие, литературу, имел вагон для собраний, мощную киноустановку, типографию. В этом поезде Михаил Иванович объездил все фронты Гражданской войны. И для красноармейцев, и для рабочих, и для крестьян приезд Михаила Ивановича был большим праздником. Я встречал Михаила Ивановича на фронте. Его поезд останавливался обычно недалеко от передовой линии. Сам Калинин на автомобиле, на лошадях или пешком добирался до переднего края. Он узнавал условия, в которых проходила Гражданская война, боевой труд красноармейцев. Много и задушевно беседовал с ними. Выступал на митингах. Тут же помогал, чем мог. В то время, как Михаил Иванович был на переднем крае фронта, приехавшие с ним товарищи организовывали в прифронтовой полосе, только что освобожденной от белогвардейцев, советскую власть. Во все стороны разъезжались агитаторы, пропагандисты, хозяйственники (это у Подвойского называлось «организацией советской власти». – *С.В.*). Устраивали собрания, кинокартины, плакаты, листовки, газеты. Рассказывали на-

роду, как велика забота советской власти о народном хозяйстве и как удовлетворяются народные нужды»[61]. Данный рассказ не обошелся без традиционного рефрена: «Во время таких поездок Михаил Иванович приобретал большое количество личных друзей и друзей большевистской партии и советской власти. После каждой такой поездки в Кремль к тт. Ленину, Сталину (напомним, что статья 1945 года. – *С.В.*), Калинину десятками прибывали делегации и отдельные ходоки (вот уж в самом прямом смысле “счастье привалило”. – *С.В.*) и устанавливали непосредственную связь народа самых глухих мест с партией и советским правительством. Тов. Калинин из своих поездок привозил к т. Ленину (далее Подвойский вычеркнул “и Сталину”, как видно, его всероссийский староста старался не беспокоить понапрасну. – *С.В.*) не только сообщения о боевых успехах Красной армии, но и рассказывал о том, какие недостатки он наблюдал на местах, что [и] где следует сделать, как помочь поднять дело в одном и другом месте. Замечания и наблюдения т. Калинина становились основой для декретов и постановлений ВЦИК и Совнаркома»[62]. Несмотря на то что последнее предложение в цитате относится к фантастике, причем никак не научной, нельзя сказать, что Н. И. Подвойский покривил душой в своем рассказе. Заметим также, что моду формировать поезда как специализированные аппараты видных деятелей РКП(б) ввел Л. Д. Троцкий, организовавший в 1918 г., как мы уже указали, поезд председателя Высшего военно-

го совета (позднее – Революционного военного совета Республики) и лично состоявший в ячейке членов и кандидатов РКП поезда предреввоенсовета 3-го участка Городского района Москвы (по состоянию на 19 сентября 1921 г., в ячейке насчитывалось 100 членов)[63]. По его примеру были организованы поезда М. И. Калинина, свояка Подвойского, председателя Особого отдела ВЧК М. И. Кедрова и самого Н. И. Подвойского, в 1918–1919 гг. председателя Высшей военной инспекции.

М. И. Калинин рассказал на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г.: «Я ездил, товарищи, в специально устроенном поезде ВЦИК – поезде “Октябрьская революция”. Этот поезд с внешней стороны резко бросается в глаза своими рисунками, и когда в первый момент [я] подходил к нему, то, по совести говоря, мне немножко было страшно, т. к. этот поезд слишком уж своими разрисованными картинами бросается в глаза. И я думал, что представителям власти, может быть, не совсем пристойно ездить в таких поездах. Но когда я сделал одну поездку по Российской Советской Республике, то такой конфуз совершенно вытряхнулся из моей головы и я понял, что такой поезд действует наилучшим образом на массы. Всюду, где мы останавливались, он производил огромное впечатление и привлекал громадное количество населения. Население обходило его кругом, разбирало картины, спорило между собой (как грамотные, так и неграмотные), что из себя представляет данный рисунок. Мы слышали постоян-

ные споры у того или другого вагона. Одним словом, эти поезда сразу сблизили с нами местное население»[64].

В воспоминаниях и.о. редактора поездной газеты «К Победе» поезда «Октябрьская революция» о деятельности поезда в 1919–1921 гг. констатировалось: «На фоне общей транспортной разрухи поезд Председателя ВЦИК является чуть ли не единственным светлым пятном, показывая пример благоустроенности. Таких поездов, если не считать поезда Троцкого и еще двух-трех агитационных, о которых т. Серафимович, видимо, не учитывая всей важности наглядной агитации, писал в “Правде” как о ненужных “мертвяках”, обременяющих транспорт и пожирающих массу средств и топлива, таких поездов, повторяю, в Республике не было.

Свыше 15 вагонов, расписанных агитационными лозунгами, были освещены электричеством, соединены общим проходом и телефоном. В одном из поездов помещалась типография поездной газеты “К ПОБЕДЕ” (в поезде Троцкого действовала газета “В пути”. – *С.В.*).

Отдельные вагоны предназначались для кинематографа, книжного магазина, столовой и электрической станции. Антенна радиоприемной станции тянулась по крыше во всю длину поезда. Поезд всегда имел свежую информацию. Будучи человеком беспартийным, я предполагал, что на этом поезде работают исключительно коммунисты. В действительности же из всего служебного персонала, в количестве свыше ста человек (включая красноармейцев. – *С.В.*), пар-

тийных было не более 15–20 %. Остальная беспартийная масса работала добросовестно (в данном случае едва ли имелось в виду, что коммунисты поезда работали бессовестно. – *С.В.*)»[65].

В составе поезда был технический персонал, обслуживавший поезд, уборщицы, канцелярский штат, машинистки, стенографистки, наборщицы, печатники, радиотелеграфисты, инструкторы и агитаторы[66]. Вопреки элементарной логике, состав инструкторов и агитаторов «…часто менялся. Неизменным сотрудником поезда был, кажется, только один представитель ВЧК т. Скрамэ – замечательно тактичный коммунист, тонко разбирающийся в самых запутанных делах, проникновенный и совершенно беспристрастный. Он не делал различия между партийными и беспартийными. И если находил вину, то пощады не давал, не считаясь ни с положением, ни с партийным стажем виновного. Я помню его решительную резолюцию на прошении, поданном М. И. Калинину от 33 партийных работников, осужденных за взятки, пьянство и проч. должностные преступления (интересное свидетельство морального уровня членов партии после 1917 года. – *С.В.*). Эти 33 работника были приговорены к наказанию и отбывали его на ремонте ж.-д. пути (каторжане! – *С.В.*). Они считали, что “работали в заключении не по своей специальности” и ходатайствовали перед М. И. Калининым о переводе их на свои прежние места, “где они могли бы принести больше пользы Советской России”. “Откло-

нить”, – так гласила резолюция (как тут не вспомнить чудный фильм “Ищите женщину”: «Вспомнила. Он сказал… “Спасибо”». – *С.В.*). В этом лаконизме сказывалась вся прямолинейность натуры т. Скрамэ»[67]. В «Протоколе № 1 заседания инструкторов и агитаторов при поезде “Октябрьская революция” от 19/XII [19] 19 г.» собравшиеся на заседание политком поезда И. Т. Барулин (председатель), представители Наркомтруда и Наркомсобеса Шер, Наркомздрава Н. А. Ролофс, газет «Роста» и «Беднота» Грандов, Наркомпути, Главполитпути и Оскома Некрасов[2], Казачьего отдела

---

[2] Некрасов получил мандат с весьма нестандартным текстом: «Представителю Народного комиссариата путей сообщения поезда “Октябрьская революция” т. Некрасову Особый комитет Совета обороны по проведению военного положения на железных дорогах представляет право созывать Совещания представителей Управления дорог с представителями Т[ранспортного] о[тдела] ВЧК, как то: председателей РТЧК и УТЧК. Также т. Некрасову поручается согласовывать работу ТЧК с представителями Управления дорог. Все трения между вышеуказанными организациями разрешать Совещаниями, созванными т. Некрасовым, руководствоваться всеми распоряжениями Центра. В каждом отдельном случае, если явится необходимость, т. Некрасову предоставляется право вызывать на вышеуказанные Совещания представителей профессиональных организаций. В каждом отдельном случае несогласованности действий и недоговоренности, т. Некрасову предоставляется право сноситься по телеграфу с Особым комитетом Совета обороны по проведении военного положения на железных дорогах. Вменяю в обязанность всем ж.-д. властям РТЧК и УТЧК оказывать законное содействие т. Некрасову. За неоказание содействия в каждом отдельном случае вышеуказанному товарищу виновные будут привлекаться к законной ответственности.Председатель Особого Совета Обороны по проведению военного положения на железных дорогах (подпись)Заведующий Транспортным отделом ВЧК (подпись)Секретарь [А.С.] Заславская.С подлинным верно: Лепешинская» (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 51. Л. 90).

ВЦИК М. П. Мошкаров и Наркомюста К. К. Краснушкин, представители Информационного бюро Мицкевич, Зыкова и Песина, секретарствовавшая Л. Некрасова, а в конце заседания и Председатель ВЦИК «по предложению Представителя (мы сохранили прописную букву. – *С.В.*) ВЧК т. Скрамэ постановили: обо всех вскрывшихся случаях преступлений ставить в известность Представителя ВЧК»[68].

Помимо чекистского обеспечения высокого политико-морального состояния поезда автор книги поведал нечто ценное и о «переменном составе» поезда:

«Инструкторами ездили тт. Некрасов, Соколов, Крамэ, Краснушкин-Лунин, Макаров, Чекунов, Соколов (видимо, Соколовых было двое. – *С.В.*), Фуфаев, [член Казачьего отдела ВЦИК М.П.] Мошкаров, Таратута, Баранский, Говоров, Орлеанский, [Н.А.] Ролофс, Хитров, [А.Н.] Бобров, Гуров, Рубинштейн и др. Почти все они были к тому же недурными ораторами. Доктор Н. А. Рофолс, хотя и беспартийный, был командирован Наркомздравом. Мягкий, спокойный, уравновешенный человек, [он] был незаменимейшим сотрудником, работая не за страх, а за совесть. П. Я. Гуров – представитель Наркомзема – ныне красный профессор, бывший присяжный поверенный, проявлял завидную энергию, работая по разбору земельных вопросов, и кроме того выступал как агитатор, пользуясь благоприобретенным красноречием адвоката. Таратута был представителем ВСНХ, являясь в то же время партийным идеологом и развивая коммунистиче-

ские идеи на местных партийных заседаниях.

Из поездных агитаторов остались в памяти только две ярких фигуры – Мошкарова и Сокирко.

Представитель Казачьего отдела ВЦИК казак Мошкаров – молодой, пылкий оратор, речь которого звенела, как сталь его остро отточенной шашки. Он носил широкие шаровары с красными казачьими лампасами и высокую лохматую папаху.

Украинский дед Сокирко […] был могутным коренастым стариком, с длинными седыми усами, опускавшимися на грудь. Плотный, крепкий, обомшелый, как столетний дуб. У него были хрипловатый голос, простодушный юмор, что очень импонировало толпам непритязательных слушателей (целевая аудитория всероссийского старосты со товарищи. – *С.В.*). Как агитатор, дед Сокирко умел подходить к своей аудитории великолепно. Он был иногда груб с нею, но это лишь поднимало его авторитет (редкое качество, в наивысшей степени присущее Михаилу Ивановичу Калинину. – *С.В.*)»[69].

Дед Сокирко, как и М. И. Калинин, умел зрить в корень, в результате чего две равно заряженные частицы поезда, как и положено по законам математики, взаимно отталкивались:

«– Мы – коммунисты, – говорил однажды дед Сокирко, – делали ставку на бедняка. Это было правильно. Потом взяли курс на середняка – тоже верно. Скоро поклонимся кулаку, и тогда все будет в порядке (к счастью для деда Сокирко, до

времени разгрома Правой опасности он не дожил. – *С.В.*).

На эту тему у деда Сокирко происходили большие споры с Михаилом Ивановичем.

Как тип, дед Сокирко мне нравился. Нравилась его цельность, зоркость взгляда, изрядное количество практической, я бы сказал – мужицкой, смекалки. Его неисчерпаемый юмор был заразителен.

– Наши агитаторы, кажу, балакать с простым чоловиком не умеют. С ними нужно говорить просто, безо всяких выкрутасов. Бить его, подлеца (так в документе. – *С.В.*), надо примерами из его жизни. Вот Калиныч это умеет делать.

И дид сам лично, действительно, всегда прибегал с таким примерам»[70].

Работа в поезде Калинина давала в годы Гражданской войны гарантированный кусок хлеба: «Сотрудникам полагалось по фунту хлеба в день, давался обед и ужин, постоянно можно было получить кипяток.

Спали все в тепле и чистоте, полагалось чистое постельное белье. Очень часто можно было пользоваться горячим и холодным душами. Кроме всего этого во время экскурсий по России (интересное определение для командировок Калинина и его поезда. – *С.В.*), особенно по хлебным местам, можно было кое-что закупить для себя. […] Представитель ВЧК т. Скрамэ энергично боролся с этим злом, сажал иногда виновных в “гараж”, но в результате борьба эта ни к чему не приводила. В конце концов было даже полуофициально раз-

решено “закупать, но не много. И только для себя, отнюдь не для продажи”. Так, конечно, и делалось.

Люди знали, что, путешествуя (еще одно слово-характеристика. – *С.В.*) с поездом “Октябрьская революция”, они рисковали жизнью, но ведь условия того времени не оставляли иного выхода. Риск уравновешивался перспективой получить по приезде продовольственный паек и, кроме того, возможность закупить что-либо в дороге. Москва голодала, и не каждый был в состоянии переброситься в какой-нибудь “Ташкент – город хлебный”. И еще знали люди, что если они останутся живы, то во всяком случае будут сыты. А это была главная забота того времени»[71].

Видимо, не случайно Л. Д. Троцкий вспомнил именно М. И. Калинина 6 января 1920 г. в своем докладе на заседании Московского комитета РКП(б) «Основные задачи и трудности хозяйственного строительства»: «То положение, [при котором] 80 % человеческой энергии [уходит] на приобретение жратвы, необходимо радикально изменить. Не исключено, что мы должны будем перейти к общественному питанию, т. е. все решительно имеющиеся у нас на учете советские работники, от Председателя [В] ЦИК до самого молодого рабочего, должны будут принудительно питаться в общественных столовых при заводах и учреждениях (нет бы товарищ Троцкого предложил усадить питаться вместе со своими охранниками – курсантами Школы им. ВЦИК – вождя мировой революции. – *С.В.*). Это будет не только ме-

рой экономии индивидуальных условий, из которых 80 % тратится на добывание пайка, но будет также величайшей школой трудового общественного воспитания. Нужно ввести нравы, близкие к спартанским, вытекающие из всей нашей обстановки»[72]. Нравы, «близкие к спартанским», были в наименьшей степени присущи М. И. Калинину и, главное, самому Л. Д. Троцкому. В. И. Ленин был в своих запросах значительно скромнее. Л. Б. Каменеву в этом плане изрядно подмочила репутацию его первая супруга – сестра Л. Д. Троцкого. А единственным настоящим спартанцем среди вождей этого периода можно признать И. В. Сталина.

Впрочем, однозначно говорить о том, что работа в поезде М. И. Калинина стала советской синекурой, никак нельзя: «Всюду, где грозила опасность, где требовалось ободрение или веское слово центра, где наблюдались перебои в советской работе, появлялся расписной поезд с хлопотливо-хозяйственной (так в документе. – С.В.) фигурой “красного старосты”.

Он вливал бодрость в атмосферу усталости, поддерживал веру в конечную победу рабоче-крестьянской власти.

Судьба была всегда благосклонна к поезду “Октябрьская революция”, а также и к Председателю ВЦИК.

Над поездом кружились иногда аэропланы белых. Неподалеку от него разрывались бомбы. Приходилось проскальзывать по ветхим, полуразрушенным или наскоро отремонтированным мостам. Случалось, разрывался пополам состав

поезда, причем одна половина с паровозом продолжала двигаться дальше, а другая катилась вниз назад под уклон, развивая бешеную скорость. Казалось, катастрофа была неизбежной. Но бдительность сотрудников всегда предотвращала несчастье. […]

На врангелевском фронте Михаил Иванович вблизи окопов беседовал с красноармейцами. Когда [он] их отпустил и остался в поле один, над головою появились вражеские аэропланы, видимо, с определенной целью осыпать наше расположение бомбами. Кругом никого и ничего. Лишь невдалеке стояла разбитая телега.

– Хотел я спрятаться под эту телегу – рассказывал Михаил Иванович – да подумал: неловко… Заложил руки в карманы и так простоял до тех пор, пока не скрылись аэропланы.

После слышал, [как] говорили между собой красноармейцы:

– Молодец, наш староста. Стоял под бомбами, как герой.

“Вот так «герой», – смеялся над собою Михаил Иванович в присутствии нескольких сотрудников, – под телегу хотел спрятаться. Можно сказать, недурной сюжет для карикатуры: Председатель ВЦИК спасается от аэропланов…”» [73]. Как тут не вспомнить фрагмент из воспоминаний второго красного главнокомандующего войсками Восточного фронта (позднее – первого Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики) И. И. Вацетиса: в конце августа 1918 г. «…Я. М. Свердлов от имени правительства (веро-

ятно, все же парламента. – *С.В.*) [по] благодарил меня за проявленный мною личный пример по обороне Казани[3]. Обращаясь к бывшим в вагоне, он сказал: “Да, это красивый случай. Сам Главнокомандующий на баррикадах ведет уличный бой! Надо добиться того, чтобы все так поступали…”»[74]

В воспоминаниях и.о. редактора газеты «К Победе» поезда «Октябрьская революция» описана и стандартная жизнь в командировке М. И. Калинина: «Прибыв в какой-либо город, [он] сейчас же принимал выстроившийся на перроне парад. Выслушивал доклады местных работников. Затем ехал в исполком, выступал на всевозможных заседаниях, митингах, отвечал на поданные записки, запросто беседовал с крестьянами и рабочими, наведывался в разные учреждения, больницы, санатории, госпитали, тюрьмы, нередко освобождая арестованных. Возвратившись в поезд, обедал в общей столовой, принимая посетителей, заявления, просьбы, жалобы. И так до глубокой ночи ежедневно. При такой напряженной работе никогда нельзя было его увидеть очень усталым или недоступным. С крестьянами, красноармейцами, рабочими, беженцами, ранеными, дезертирами и даже с бандитами Всероссийский староста всегда находил ясный и понятный язык, всегда точно и толково формулировал, за что бьет-

---

[3] 6 августа 1918 г., как вспоминал в 1921 г. И. И. Вацетис, «я с горстью людей оборонялся до последней крайности в штабном помещении, которое я покинул, когда нижний этаж был в руках чехословаков, и в последнюю минуту лично повел кучку храбрецов на штурм Казанского Кремля, захваченного белыми» (См.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 940. Л. 1–6).

ся советская власть, чего она хочет, чего добивается» [75].

Автор воспоминаний рассказал о М. И. Калинине: «До работы в поезде мне ни разу не приходилось видеть Михаила Ивановича. Я представлял его суровым большевиком с наганом у пояса. С такими именно коммунистами сталкивался я в провинции. Причем у многих суровость была обратно пропорциональна пониманию дела, апломб граничил с тупостью, упоение властью доходило до чрезмерного бахвальства (как есть новая генерация столоначальников, если припомнить известное высказывание Николая I о том, кто правит Россией. – *С.В.*). Ничего подобного не замечалось в Михаиле Ивановиче Калинине. Передо мною находился обыкновенный, добродушный крестьянин в очках: невысокого роста, в блузке, с небольшой бородкой, в которой пробивались серебряные нити седины. Говорил он ровно, спокойно, безо всякого начальнического тона, ничем не выказывая своего превосходства над окружающими. Добродушно улыбаясь, [он] свертывал папироску-самокрутку. Как Председатель ВЦИК он мог бы курить хорошие папиросы, нередко добродушно подтрунивал над кем-либо или отпускал какой-нибудь каламбур. Простота и доступность – присущие свойства натуры Михаила Ивановича. Эти свойства остались у него до сих пор, несмотря на многолетнее пребывание у власти. А ведь известно, что власть портит и развращает раболепностью (раболепием. – *С.В.*) окружающих. Но, видимо (какая чудесная оговорка. – *С.В.*), это зло не коснулось кре-

стьянской натуры Калинина. Он остается таким же, каким был раньше»[76].

В своей агитации М. И. Калинину случалось ссылаться на примеры из практики собственной семьи:

«Из толпы выдвигается пожилой крестьянин.

– Вот вы, т. Калинин, все за рабочих стоите, а нас, крестьян, совсем забыли. А чем рабочие лучше нас? Они лодыри. Зажигалки делают. Нас совсем обобрали.

– Эх, вы – качает головой ПредВЦИКа. – Обобрали… У меня тоже в деревне корову реквизировали. Хорошая была корова, дойная. Мать моя плакала, большевиков ругала (! – *С.В.*). А почему? Потому, что не понимала, как не понимаете вы, что это сделано из крайней необходимости. Я это понимаю. Да и вы поймете впоследствии. Вот вы кричите, что с утра до ночи, как черви, в земле роетесь. Я знаю: ваша работа – нелегкая работа. Но зато после нее вы одного хлеба снимаете фунта четыре и, если ляжете спать, то спите как убитые. При этом всегда на чистом воздухе. А рабочие живут в отравленной атмосфере. Имеются производства настолько вредные, что человек едва доживает до 40 лет, получает чахотку или слепнет… […] Вот вы негодуете, что Советская власть вам по восьми вершков на рыло мануфактуры выдает. Мало конечно, но ведь Советская власть не может мануфактуру брать с луны. Ее надо сработать. А чтобы сработать, надо кормить рабочего… Вы говорите, что сами будете делать ткани. Допускаю. А гвозди вы сделаете сами? А железо

добудете? А стекло сумеете приготовить?

Так мало-помалу приводил в сознание темную народную массу т. Калинин»[77].

И еще один пассаж, который автор книги впервые услышал от д.и.н. А. Н. Пономарева: «Однажды т. Калинину был задан такой вопрос:

– Кто нужнее для России: пролетариат или крестьянство?

И он ответил на вопрос вопросом же:

– Какая нога для человека важнее: правая или левая?»[78]

Из воспоминаний и.о. редактора поездной газеты «К Победе» выясняется, что все-таки имело место некоторое сходство третьего руководителя Советского государства со вторым: «Приходилось удивляться той колоссальной энергии, которая заключалась в небольшой тщедушной фигуре Председателя ВЦИК»[79]. Практически теми же словами выражали свое удивление соотношению представительности и внутренней энергетики все знавшие Я. М. Свердлова.

В отличие от обычных сусальных воспоминаний о третьем руководителе государства Советов в этих, так и оставшихся неопубликованных (притом, что мы имеем дело с гранками!), есть все-таки описание одного (не единственного ли?) случая в истории, когда М. И. Калинин позволил себе высказывание в духе В. И. Ленина:

«Мне лично известен только один факт, когда Михаил Иванович был несколько и, может быть (! – *С.В.*) несправедливо резок.

Члены Крымских ЦИК и Совнаркома просили отпустить в кредит 5 млн пудов угля и дать нужные средства на ремонт шоссейных дорог Крыма.

Поднялся Калинин и сказал:

– Выслушав выступавших здесь ораторов, [я] должен заметить, что это чрезвычайно плохая политика, когда люди исходят из желаемого, а не из действительной потребности. И председатель Крымского ЦИК, и председатель Крымского Совнаркома просят 5 млн привозного угля, основываясь на том, что Крым раньше потреблял 9 млн привозного угля. Да, это было раньше, когда Донбасс производил 200 млн, тогда как теперь он добывает только 40 млн пудов. Поэтому такое требование я называю издевательством, за которое следует расстрелять председателя и весь Совнарком.

На эту грозную филиппику с достоинством ответил председатель Саид Галиев:

– Тов. Калинин говорит, что если просили 5 млн пудов угля, когда наша потребность выражается в восемь с половиной миллионов, то это есть несерьезная постановка вопроса… Но было бы величайшей ошибкой, какая только может существовать в истории России, если бы присудили Крымсовнарком с председателем к расстрелу за такого рода предложение. Мы делали это предложение, исходя из того, что нам известно, сколько сгорело в Донбассе угля. Кроме того, Донбасс предлагает вывезти 10 млн пудов за границу через наши порты. Что показывает такой факт? Ясно, что там уголь

есть, и отсюда естественность нашей просьбы»[80].

В эпоху перехода к нэпу М. И. Калинин имел смелость приехать в мятежный Кронштадт и в районы, пострадавшие от голода. Калинин «…непосредственно входил в соприкосновение с голодающим крестьянством, ободряя это голодающее крестьянство»[81]. Всероссийский староста имел мужество лично взглянуть в глаза настоящему человеческому горю…[82]

В выступлении на юбилее М. И. Калинина в 1935 г. старый большевик И. А. Акулов констатировал: «М. И. Калинин в буквальном смысле слова исколесил весь наш Советский Союз: от границ Белоруссии, почти от границ Польши почти до Владивостока, от Надеждинского завода на Северном Урале до Кавказа. Все эти пространства хорошо известны М. И. Калинину. Буквально каждая область, каждый край, если не каждый район нашего Союза, были свидетелями того, как М. И. Калинин непосредственно на месте помогал местным работникам в их работе (так в документе. – *С.В.*)»[83].

Насколько инициативны были поездки М. И. Калинина – вопрос сложный. Жена М. И. Калинина Екатерина Ивановна рассказала 25 мая 1956 г.: «…без ЦК он (Калинин. – *С.В.*) не мог поехать [куда-либо]. Даже к себе в деревню на короткое время мы хотели поехать, он говорил: “Я не могу поехать, когда хочу и куда хочу”»[84]. В этот рассказ Екатерины Ивановны Калинина внесла важное дополнение дочь Лидия Михайловна: «Когда Киров запросил, то из ЦК сказали

ему, что он член бюро [Ленинградского губкома ВКП(б)] и сам должен решить вопрос. Тогда папа в Ленинград не поехал»[85]. Однако этот эпизод относится ко второй половине 1920-х гг., когда сталинско-бухаринский ЦК ВКП(б) уже по сути решал в партии всё. Сложилось ли такое положение ранее, сказать довольно сложно. Екатерина Ивановна заявила: «Мне кажется, что решение об этих поездках выдвинуто Лениным. А потом, когда Михаил Иванович ездил и видел сколько нужды на местах, то это заставило его расширить свои поездки. Где что-нибудь случалось тяжелое, где тяжелое положение, то он сейчас [же] направлял туда свой поезд»[86]. Естественно, в годы хрущевской «оттепели» самое надежное было приписать (вольно или невольно) инициативу вождю мировой революции. Так или иначе, последний был вполне доволен наиболее титулованным советским агитатором-пропагандистом.

Помимо крестьянства М. И. Калинину удалось отчасти обаять своими простотой и доступностью население столицы. Сын главы Советского государства, Сергей Иванович Калинин заявил в 1956 г. сотруднику ИМЭЛ М. В. Кабанову: «До 1934 г., до убийства т. Кирова, Михаил Иванович часто ходил по Москве. Вот поужинали, выходим из Кремля и пошли по улицам. Он шел и смотрел, как народ работает, как гуляют по улицам, разговаривал. […] мало того что он выезжал на периферию, он и в Москве помимо выездов на заводы часто выходил из Кремля и смотрел жизнь»[87].

Показательно, что 21 января 1920 г. на общем собрании коммунистов ячейки Управления агитационно-инструкторских поездов ВЦИК первым пунктом повестки дня рассматривался вопрос «Об организации самостоят[ельной] ячейки на поездах и пароходах». Постановили: «Обратиться в МК п[артии] за выяснением возможности организовать на поездах и пароходах самостоятельных ячеек, ввиду необходимости таковых во время долгого следования поездов и пароходов. Запросить Гор[одской] район [Москвы] копию телеграммы о разрешении на самостоятельную ячейку и выписку из протокола Компартии Горрайона (так в документе. – *С.В.*)»[88].

Следует заметить, что поезд «Октябрьская революция» был не единственным «летучим аппаратом» (подсократим известное определение Л. Д. Троцкого) ВЦИК. Сеть агитпоездов ВЦИК неуклонно расширялась. Последним пунктом собрания 21 января 1920 г., заслушав доклад «по организации ячейки на вновь прибывшем поезде имени Ленина», ячейка Управления агитационно-инструкторских поездов ВЦИК поручила «т. Ярославу и т. Самсонову составить доклад о партийной работе на поезде»[89]. Для духовного окормления советизированных красноармейским штыком закавказских республик в 1920 г. был сформирован агитационно-инструкторский поезд «Северный Кавказ». 15 августа на собрании его ячейки члены ячейки констатировали, что сотрудники поезда могли вести партийную работу ис-

ключительно в Азербайджанской Советской Республике, поскольку на территориях остальных республик Закавказья у сотрудников буквально не было ни одной свободной минуты. Обстановка оставалась напряженной, требовалась полная самоотдача[90]. Помимо агитпоездов действовали и пароходы ВЦИК – прежде всего пароход «Красная Звезда»[91].

Общий партийный уровень сотрудников агитационно-пропагандистских поездов ВЦИК был далеко не высок. 22 ноября 1922 г., в разгар заключительного этапа Профсоюзной дискуссии, состоялось делегатское собрание коммунистической ячейки Отдела инструкторско-агитационных поездов ВЦИК совместно с представителями поездов «Советский Кавказ» и «…имени Ленина». Что интересно, председательствовал на собрании оппозиционер Е. Н. Игнатов, с докладом выступал Н. И. Бухарин, а с содокладом – А. С. Бубнов. По итогам было решено направить на партийную конференцию Городского района Москвы 60 человек, по 20 от каждой *оппозиционной* группы (сторонники В. И. Ленина на конференции не были представлены вовсе), причем «прошла резолюция Игнатова»[92].

Несмотря на то что Я. И. Буров впал в партийную ересь, а состав партийных ячеек агитационно-пропагандистских поездов оказался сплошь оппозиционным, В. И. Ленин явно не прогадал в выборе третьего главы Советского государства: если с коммунальным хозяйством взаимоотношения у М. И. Калинина явно не сложились, на представи-

тельской должности он не знал себе равных. К. Е. Ворошилов[93], поездив с ним по кавказским городам и весям, отписал Г. К. Орджоникидзе: «Калинин – хороший парень и для нас (большевиков. – *С.В.*) незаменимый человек. Для того чтобы по достоинству оценить его, нужно поездить с ним по деревням и послушать его беседы с крестьянами: тут он весь в своей своеобразной красоте и, я прямо скажу, силе. Другого такого у нас в партии не найти. Так излагать нашу теорию и практику крестьянам, как это делает К., не многим дано. Опыт у него в этом деле огромный. Крестьян знает лучше, чем самые лучшие знатоки из кр[естья] н. Короче говоря, старик – молодец, я его считал немножко балдой, но сейчас каюсь и молю Аллаха простить мои невольные прегрешения»[94]. Многие видные революционеры обманывались относительно М. И. Калинина на протяжении всей жизни. Так, Виктор Серж был искренне убежден, что «Калинин был всего лишь лукавой фигурой для представительства, выдвинутой за доброе крестьянское обличье и интуитивное понимание народного духа»[95]. А вот К. Е. Ворошилов подметил в М. И. Калинине одну важную черту: «старик», был, «как бес»[96], «упорен» и обладал даром убеждения. По сути, Калинин стал наиболее авторитетным в большевистской партии агитатором-пропагандистом, основной задачей которого было объяснение «мужику/мужичку», как именовали крестьян члены высшего руководства РКП(б), партийно-государственного налогового пресса[97].

Со стороны всероссийский староста казался обыкновенным болтуном. Но болтуном он был необыкновенным. Вопреки расхожим представлениям, М. И. Калинин никогда не выметал сор из избы, что, собственно, и позволяло ему держаться на плаву в большевистской верхушке. По словам дочери М. И. Калинина, Юлии Михайловны, «…у отца было очень строгое правило, вошедшее в привычку еще до революции: он никогда о своих делах дома не говорил. Чтобы мы что-нибудь подробнее могли знать о государственных делах (больше, чем любой человек, читающий газету), этого не было. Даже если кто-нибудь придет, заинтересованный, и говорит: “Михаил Иванович, расскажите!”, он всегда отвечал: “Вы же газету читали?” Вот и все. Какой-нибудь близкий человек по работе, может быть, мог бы Вам что-нибудь сказать, а дома Михаил Иванович по государственным делам не делился. Я думаю, у него была старая привычка не говорить о своих делах людям, которым это не нужно знать более подробно, чем всем остальным»[98]. Люди, прошедшие школу большевистского подполья, резко отличались от многих из тех, у кого не было подобного опыта.

М. И. Калинин, впрочем, был не только председателем ВЦИК, но и большевистским функционером, в частности выполнявшим ленинские поручения по линии ЦК РКП(б), – правда, куда более скромные и менее многочисленные, нежели в свое время Я. М. Свердлов. Так, в октябре 1919 г. именно М. И. Калинин передал И. В. Сталину цен-

ные указания В. И. Ленина по смягчению отношения к казачеству, и будущий генсек «сам иллюстрировал возможность смягчения умов в некоторых слоях казачества и вполне согласился, что, конечно, мы можем обещать [амнистию] и будем это делать»[99]. Кстати, на этих переговорах, получив указание Ленина беречь Латышскую стрелковую дивизию, Сталин, полностью согласившись с вождем, в очередной раз нажаловался на РВСР, который игнорировал его неоднократные требования о присылке пополнений. Калинин обратил на это внимание Ленина и попросил подтолкнуть «кого следует»[100], т. е. Троцкого. Это – еще одно подтверждение, что к т. н. «избранию» на высокий пост Калинина Троцкий никакого отношения не имел. Видимо, Сталин впоследствии вспомнил о том, что Калинин строго разделял ленинскую линию и отчасти его собственные взгляды на будущего «злейшего врага советской власти», и пожалел «всероссийского/всесоюзного старосту», даже несмотря на его нахождение в «болоте» во время дискуссии «генеральной линии партии» с правой оппозицией *(см. главу 5 раздела III наст. книги)*.

Со вхождением в Политбюро ЦК РКП(б) кандидатом, заметим все же, возросли и амбиции М. И. Калинина. Активная деятельность главы Советского государства «по политической линии» вызывала раздражение у ЦК РКП(б) и двух его институтов: с одной стороны, у Политбюро, с другой – у Секретариата ЦК и лично Н. Н. Крестинского.

В. И. Ленина никак нельзя назвать сторонником китайских церемоний, если необходимость таковых не была особенно веской. Прекрасно помня, из каких соображений он сделал свой нелегкий выбор преемника Я. М. Свердлова по государственной линии, основатель партии сразу расставил все точки над i. В мае 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило М. И. Калинину «не вмешиваться в местные советские и особенно партийные отношения»[101], причем на заседание, на котором обсуждался вопрос, председатель ВЦИК и член ЦК РКП(б) не был удостоен приглашения[102], что не могло не быть для самолюбия М. И. Калинина, если не оскорбительно, то уж во всяком случае крайне болезненно.

Оргбюро ЦК РКП(б) для начала попробовало решить вопрос, что называется, полюбовно: 14 июля 1919 г. на заседании в составе цекистов А. Г. Белобородова, Л. П. Серебрякова, Н. Н. Крестинского, Е. Д. Стасовой, И. Т. Смилги и Ф. Э. Дзержинского (на заседании также присутствовали от аппарата ЦК технический секретарь ЦК К. Т. Новгородцева и заведующий отделом Секретариата, видный деятель группы демократического централизма В. Н. Максимовский) по итогам рассмотрения вопроса «О перенесении приемов [В] ЦИК из Кремля» было постановлено: «Предложить Президиуму [В] ЦИК принять срочные меры, [с тем] чтобы приемы в Кремле были прекращены»[103]. Однако всероссийский староста, которого упорно игнорировало высшее партийное руководство, в свою очередь, предпочел не услышать

Организационное бюро ЦК РКП(б). 23 июля Оргбюро, уже в отсутствие Н. Н. Крестинского (на заседании из членов ЦК были Е. Д. Стасова, Ф. Э. Дзержинский, А. Г. Белобородов, И. Т. Смилга), воспользовалось докладом коменданта П. Д. Малькова об обеспечении безопасности территории Московского Кремля и постановило «убрать» из Кремля в трехдневный срок «Бюро пропусков [В] ЦИК»[104]. Очевидно, вместе с многочисленными ходатаями. Бюро пропусков глава государства, возможно, и убрал, но демонстративно продолжал принимать челобитчиков. 5 октября 1919 г. Оргбюро вернулось к вопросу и серьезно расширило формулировку, включив в протокол заседания подробное обоснование своей позиции. Н. Н. Крестинский сделал заявление «о том, что в Секретариате ЦК, в Отделе работы в деревне, производится прием посетителей председателем ВЦИК т. Калининым и в его отсутствие т. [В.И.] Невским», которого, хоть он и был заведующим Отделом ЦК по работе в деревне, на заседании Оргбюро по непонятной причине не оказалось. Оргбюро постановило: «Принимая во внимание, что допущение в помещении ЦК массы просителей, ничего общего не имеющих с партией, по вопросам непартийного характера затрудняет текущую работу Секретариата и придает Секретариату нежелательный характер, предложить т. Калинину прекратить приемы в помещении ЦК»[105]. Оргбюро сделало предложение всероссийскому старосте, однако тот от предложения отбоярился. Все попытки Н. Н. Кре-

стинского выдворить из Кремля многочисленных калининских ходоков успехом не увенчались. Проблема, связанная со всеобщей доступностью высшего должностного лица Советского государства, была решена только после принятия 14 февраля 1935 г. постановления сталинского Политбюро ЦК ВКП(б) о выводе с территории Кремля в кратчайшие сроки ряда советских учреждений, среди которых, как мы увидим, были и Приемные ЦИК СССР и ВЦИК[4].

М. И. Калинин в числе многочисленных ходатаев, наполнявших приемную главы Советского государства, принимал

---

[4] м.: Невежин В. А. Застолья Иосифа Сталина: Кн. 1. М., 2011. С. 82. 30 ноября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б), заслушав доклад заведующего отделом ЦК И. К. Ксенофонтова «Вопросы Управления делами», постановило: «В целях максимального сокращения штатов Секретариата ЦК и экономии средств признать необходимым передать все хозяйство Секретариата ЦК – ВЦИК (здание ЦК, дома Коммуны, столовую, снабжение сотрудников и Секретариата всем полагающимся, ремонт задний и т. д. и т. п.), возложив на него обслуживание Секретариата ЦК ремонтом и содержание всех зданий и домов Коммуны, снабжение сотрудников и командированных парттоварищей жилищами, продовольствием и проч. на общем основании с сотрудниками ВЦИКа…» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 546. Л. 9). Что весьма показательно, 24 марта 1924 г. Секретариат ЦК подтвердил постановление Оргбюро от 30 ноября 1922 г. (Там же. Л. 8). Правда, о данной «разгрузке» ЦК РКП(б) – ВКП(б) и его аппарат очень быстро пожалели, как одичавший помещик о мужиках у М. Е. Салтыкова-Щедрина. 3 февраля 1926 г. новый управляющий делами ЦК ВКП(б) Гузаков доложил в Секретариат ЦК: «Если АХО ВЦИК, несмотря на существующие постановления ЦК о внеочередном снабжении работников последнего соответствующей жилой площадью, после невероятных усилий со стороны Управления делами ЦК, в течение истекшего года удовлетворил только 19–20 % нашей потребности, то за истекший месяц и до настоящего времени снабжение необходимой жилой площадью, можно сказать, прекратилось совершенно» (Там же. Л. 2).

и тех, кто приходил по делам арестованных. Известно, что с октября 1919 по 1 января 1920 г. Калинин принял 350 таких ходатаев и столько же заявлений получил представитель ВЧК. Впрочем, шуму было много, а толку мало: как указано в «Справке Канцелярии Председателя ВЦИК т. Калинина о приеме посетителей…», «по делам арестованных ответы получаются слабо и дел законченных – немного»[106].

В номере «Известий ЦК РКП(б)» за 2 декабря 1919 г., в «Организационном отчете ЦК», содержалась откровенная ложь: декларировалось, что якобы М. И. Калинин, который «проводит большую часть времени вне Москвы», будучи недавно введен в Оргбюро, «внесет» в этот орган «наибольшую свою связанность с местами и знакомство как с местными работниками, так и с постановкой там работы»[107]. Н. Н. Крестинский, при непосредственном участии которого составлялся отчет, прекрасно знал, что к настоящей работе в Оргбюро он М. И. Калинина не подпустит, да всероссийский староста и сам не станет претендовать на рутинную организационно-кадровую работу, к которой он явно не имел ни малейшей склонности.

Когда в начале декабря 1919 г. на Восьмой всероссийской конференции РКП(б) руководитель аппарата ЦК, исходя из тактических соображений, поставил деятельность раздражавшего его М. И. Калинина в заслугу Президиуму ВЦИК, председатель Московского губернского исполнительного комитета Т. В. Сапронов с сарказмом заметил: «Крестинский

говорил, что ВЦИК *все-таки кое-что* (курсив наш. – *С.В.*) делает: например, т. Калинин много разъезжает по губерниям (как это заявление соотносится со словами в “Организационном отчете ЦК” о введении постоянно якобы находившегося в столице Калинина в Оргбюро? – *С.В.*), но едва ли нужно сохранять Президиум ВЦИК с председателем, разъезжающим по губерниям»[108]. В целом, несмотря на рост амбиций, глава Советского государства жил своей, особой жизнью, далекой от властных инициатив членов Президиума ВЦИК.

25 января 1920 г. В. И. Ленин в очередной раз продемонстрировал, что основное внимание в работе ВЦИК следует уделять агитационно-пропагандистской работе. Выслушав доклад заведующего Отделом агитационно-инструкторских поездов и пароходов ВЦИК Я. И. Бурова об итогах работ, проделанных инструкторско-агитационными поездами ВЦИК, вождь мировой революции надавал целую серию указаний.

«*I. Частного характера*

1. *Усилить* экономическую и практическую части работ поездов и пароходов: включением в политотделы их агрономов, техников; отбором литературы, соответствующего содержания кинолент и пр.

2. *Изготовить* через Кинокомитет производственные (показывающие разные отрасли производства), с.-х., промышленные, антирелигиозные и научные *киноленты*, зака-

зав таковые немедленно за границей через т. *[М.М.] Литвинова*[109]. Телеграфный заказ дать за подписью т. *Ленина*.

3. Разработать *волостную* показательную *карту* в большом масштабе, демонстрирующую всю проделанную работу и о[хва] ченные ею районы. Карту эту выставлять на месте скопления народа, свободном от всяких пропусков.

4. Разработать полученные при поездках *материалы*, издав схемы, диаграммы и проч.

5. *Обратить внимание* на необходимость тщательн[ого] подбор[а] кинолент и учет[а] *действия* каждой киноленты на население во время демонстрирования ее.

6. *Расширить работу* поездов и пароходов *в стороны от рельс и берегов* посредством усиления вспомогательных транспортных (мотоциклы, автомобили, велосипеды) средств в поездах и пароходах, а также использования местных транспортных средств.

7. Организовать за границей представительство для закупки и транспортирования кинолент, пленок и всякого рода кинематографического материала.

8. Обратить внимание на подбор сотрудников в поездах и пароходах.

9. Тов. Бурову *предоставляется право* в срочных случаях по вопросам деятельности инструкторских поездов и пароходов ВЦИК обращаться к т. *Ленину* непосредственно, а в несрочных случаях – к т. *Ленину* через *Секретариат* [Председателя СНК].

II. Общего характера

1. Назначить немедленно через ЦК партии собрание из представителей ВЦИК, ЦК, народных комиссариатов и Ваших, на поездах и пароходах, политработников. Означенное собрание должно ознакомиться итогами работ поездов и пароходов и разработать положение о поездках от имени *ВЦИК, ЦК* и *Совнаркома.*

2. Выработанное положение будет проведено т. Лениным [через] н[ар] к[оматы] и Совнарком.

3. При Совнаркоме предполагается созвать особую постоянную комиссию по руководству поездками, согласно выработанного положения» [110].

При этом В. И. Ленин, вообще-то менее всего стремившийся в то время усилить ВЦИК и его Президиум, настолько увлекся в ходе беседы-наставления, что умудрился дать 25 января 1920 г. Я. И. Бурову ценные советы, которые в случае их реализации автоматически создавали в партии «второго Свердлова»: «…с систематической работой поездов и пароходов можно было бы связать производство Всероссийского учета советских и партийных работников. Имея при ВЦИК и ЦК (разрядка документа. – *С.В.*) партии карточную систему и обязав инструкторов и партийных представителей привозить характеристику местных работников и данные об их работе, заносить эти сведения в личную карточку работника. Такая система имеет значение не только для привлечения нужных работников в Центр, но и для контроля над исполь-

зованием должным образом работников на местах: сплошь и рядом приходится наталкиваться в небольших поселках на работников крупного масштаба, остающихся без особой нужды в местном совете или в профессиональной организации и не привлеченных к губернской работе в силу местных трений или других случайных причин. Оценка работников, принимаемая таким путем, несомненно, будет полнее и беспристрастнее, чем сведения, собираемые по бюрократическому аппарату ведомства, т. к. в работе поезда деятельность того или другого работника освещается, так же как и вся работа местности, со всех сторон»[111].

Заведующий Отделом инструкторско-агитационных поездов поставил в известность о беседе с вождем свое непосредственное руководство – Президиум ВЦИК, «вошел в сношение с Кинокомитетом», передал «указания и пожелания Владимира Ильича» секретарю и члену ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой, которая запланировала «созыв предварительной комиссии по выработке Положения о поездках на поездах и пароходах ВЦИК» в составе секретаря ВЦИК А. С. Енукидзе, заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова, представителей ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинского и самих Е. Д. Стасовой и Я. И. Бурова[112]. Новые указания вождь дал 7 февраля 1920 г.[113] Интересную мемуарную зарисовку А. С. Енукидзе времен Гражданской войны сделал революционер Виктор Серж: «Это был рыжий грузин с квадратным лицом, озаренным голубыми глазами,

дородный, с благородной осанкой чистокровного горца. Он был приветлив, насмешлив, реалистичен, как и петроградские большевики. “Наша бюрократия действительно притча во языцех! Я думаю, Петроград здоровее. Советую вам даже обосноваться в нем, если тамошние опасности вас не слишком пугают… Здесь у нас смешались все недостатки старой и новой России. Петроград – это передовая, фронт”. Говоря о консервах и хлебе, я спросил его: “Как вы думаете, мы продержимся? Я здесь словно инопланетянин, и временами у меня бывает ощущение, что революция в агонии”. Он расхохотался: “Это оттого, что вы нас не знаете. Мы бесконечно сильнее, чем кажемся”»[114].

6 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) непосредственно занялось делами ВЦИК, председатель которого М. И. Калинин и секретарь А. С. Енукидзе развернули, в худших свердловских традициях, кипучую деятельность по приему многочисленных ходатаев. Рассмотрев вопрос о порядке ведения дел в Президиуме ВЦИК, ПБ предложило Президиуму установить такой порядок ведения дел, при котором распоряжения секретаря и председателя, «…выходящие за пределы чисто исполнительных или внутриделопроизводственных функций, приводились в исполнение лишь после подписания всеми наличными в Москве членами Президиума ВЦИК»[115]. Таким образом, речь опять шла о расширении коллегиальности и возвращении советского парламента ко временам «Смольного и около Смольного», когда, по при-

знанию В. И. Ленина, «мы наглупили достаточно»[116]. Для полного счастья М. И. Калинину и А. С. Енукидзе не хватало только воссоздания полновесной левоэсеровского фракции.

Первым не выдержал председатель ВЦИК. 10 мая он направил членам Политбюро протест, который начал с иронии: «Не возражаю против установления коллегиальности в духе постановления IX съезда партии [большевиков], которое указывает как общую директиву повсюду, где это возможно, сокращать, уменьшать коллегиальность; а данное решение Политбюро как раз идет в обратном направлении […], вводя не простую, а сверхколлегиальность»[117]. На четвертый день Калинин прямо заявил товарищам из Политбюро, что проведение решения этого органа «…вносит огромную путаницу в практическую работу Канцелярии ВЦИК»[118]. «В качестве Председателя ВЦИК я не несу никаких делопроизводственных функций, – пояснил всероссийский староста. – Что касается исполнительных, то, за незначительным исключением тех, которые выражаются в моих распоряжениях по внутренним делам и Секретариату ВЦИК – огромное большинство моих распоряжений как председателя связано с ежедневным приемом 60–70 человек и просмотру значительного числа ежедневной корреспонденции с мест. Все мои распоряжения по приему и корреспонденции не являются техническими и исполнительными. Если этим постановлением Политбюро я лишаюсь права накладывать резолюции на заявлениях крестьян, рабочих и вообще просите-

лей, без согласия всех членов Президиума [ВЦИК], находящихся в Москве, то этим постановлением Политбюро вся деятельность моя по приему, а равно и при моих поездках теряет смысл»[119]. Здесь Калинин прибег к мелкому шантажу, поскольку пропагандистский эффект как от приема посетителей, так и от агитационной деятельности председателя ВЦИК был без преувеличения огромным. Еще один момент: Калинин не подвергал сомнению самую возможность Политбюро как партийного органа диктовать свою волю главе государства: постановления VIII съезда РКП(б) 1919 г. о примате партии над государством были органически усвоены высшим эшелоном большевистской верхушки – а значит, и большинством партийцев. Соглашаясь с Политбюро в том, что «установившийся порядок ведения дел в Президиуме ВЦИК не может считаться удовлетворительным», Калинин заметил, что сам «мыслил […] улучшение» этого порядка «с другого конца, [а] именно: с возложением большей ответственности на председателя»[120]. С одной стороны, это никак не укладывалось в представления обо ВЦИК как представительном органе пролетарской демократии, с другой – как нельзя более кстати реализовывало установки IX съезда РКП(б) 1920 г. на сокращение коллегиальности и, едва ли не в духе реорганизации коллегий в министерствах александровской эпохи, установления личной ответственности руководителей партийных (и советских) органов. Калинин уже второй раз наблюдал «сугубое внимание» к своей деятельно-

сти в качестве председателя ВЦИК, «в такой форме, которая не позволя[ла ему] пройти молча эти постановления»[121].

«С коммунистическим приветом»[122] обратившись к членам Политбюро, всероссийский «староста» напомнил о первом случае грубого вмешательства Политбюро в свои дела и даже позволил себе огрызнуться, завершив послание рядом тезисов.

Как в мае 1919, так и в мае 1920 г., писал Калинин, «наставление Политбюро [...] принято при игнорировании меня как *члена Центрального комитета партии* (курсив наш. – *С.В.*). / Как тогда, так и теперь у Политбюро имелась возможность запросить меня, но, по непонятным мне обстоятельствам, этого сделано не было ни тогда, ни теперь. / Такого отношения при аналогичных обстоятельствах к другим членам ЦК я не замечал – наоборот, оно (что именно подразумевал Калинин под словом “оно” не ясно: то ли “отношение”, то ли Политбюро. – *С.В.*) всегда к ним особенно внимательно. / Мне хотелось бы видеть в этом простую случайность и быть уверенным, что своим постановлением Политбюро не имело в виду приостановить [мою] политическую работу как члена ЦК и Председателя ВЦИК, а потому прошу означенное постановление на ближайшем заседании Политбюро пересмотреть»[123]. В четырех абзацах этого текста скрыта масса информации. После учреждения Политбюро среди членов Центрального комитета РКП(б) сохранялась определенная иерархия, причем проштрафившийся советско-хо-

зяйственный руководитель, переведенный на столичную работу из Петрограда, стоял на ее последней ступени и высшим большевистским руководством в качестве полновесного члена ЦК и главы государства не воспринимался. Калинин же свою реальную политическую силу ощущал, выступая в качестве не руководителя советского парламента, а члена ЦК РКП(б). Формально пункт Устава о том, что высшим партийным органом являлся съезд, а в перерывах между съездами – большевистский ЦК, никто не отменял. В 1920 г. всевластие Политбюро еще не выродилось во вседозволенность. Обращение М. И. Калинина в Политбюро таило в себе скрытую угрозу апелляции к ЦК РКП(б) – и это не могло не восприниматься всерьез узкой группой вождей во главе с В. И. Лениным. Дополнительной говорильни в ЦК вождь мировой революции постарался бы избежать. У высшего органа РКП(б) было достаточно важных внешне – и внутриполитических вопросов для обсуждения. Переносить в большевистское руководство «советские склоки» (перефраз Л. Б. Каменева) В. И. Ленин[124], как и его ближайшие товарищи[125], не желал.

На следующий день, 11 мая 1920 г., собравшись в составе В. И. Ленина, Л. Б. Каменева, И. В. Сталина и Е. А. Преображенского, Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев «Заявление т. Калинина в связи с порядком ведения дел в Президиуме ВЦИК», пригласило всероссийского старосту к барьеру: «Поручить т. Калинину представить в следующее заседание

Политбюро краткий доклад об общем порядке ведения дел в Президиуме ВЦИК и проект урегулирования этого порядка; б) приостановить (но не отменить! – *С.В.*) предыдущее постановление Политбюро о порядке ведения дел в Президиуме ВЦИК; в) приостановка смертных приговоров допускается в исключительных случаях, причем ответ на апелляцию должен даваться в кратчайший срок (к вопросу о социалистической законности. – *С.В.*)»[126]. 15 мая М. И. Калинин почтил своим присутствием заседание Политбюро, на котором также присутствовал М. П. Томский, однако его это не спасло. Очевидно, никакой доклад всероссийский староста не подготовил, и его решили отправить за ненадобностью в столице в очередное рабочее турне – 19 мая[127].

9 сентября 1920 г. Президиум ВЦИК расширил возможности М. И. Калинина с его командировками по городам и весям. Заслушав в присутствии своего «старосты» (так и хочется дописать – «и урядника»!) вопрос «О праве Председателя ВЦИК единолично применять амнистию», Президиум разъяснил, что «во время командировок по поручению Президиума ВЦИК [Председателю ВЦИК] предоставляется право применять единолично, от имени Президиума § 49, пункт С Конституции РСФСР об амнистии». Обо всех случаях «единоличного применения амнистии» Калинин обязывался «немедленно» сообщать Президиуму ВЦИК[128].

10 февраля 1921 г. Президиум ВЦИК, что характерно в отсутствии М. И. Калинина (были: В. А. Аванесов,

М. Ф. Владимирский, А. С. Енукидзе, секретарь и член Президиума Ю. Х. Лутовинов, Д. И. Курский, П. Г. Смидович, В. В. Осинский, И. В. Сталин, Л. С. Сосновский, А. И. Рыков), заслушал доклад П. Г. Смидовича «о работе в приемной т. Калинина», который дает информацию о типовых ходатайствах ко всероссийскому старосте и о мерах к их удовлетворению: «*I. О продотрядах*. а) предложить Наркомпроду представить в недельный срок доклад [о] составе, организации и подчиненности продотрядов и контроле над их работой; б) поручить Наркомюсту, ВЧК и Наркомпроду выработать меры ускорения привлечения к ответственности и усиления карательных мер против провинившихся продотрядов; в) поручить тт. [П.Г.] Смидовичу, [В.В.] Осинскому и [А.И.] Свидерскому выработать проекты циркуляров о продработах и продовольственной политике и представить их на рассмотрение Президиума ВЦИК; г) предложить Наркомпроду дать отчет о количестве скота, мяса, корнеплодов и т. п., погибших после получения их по развертке, и принятии мер предупреждения повторения таких случаев и о том, к каким мерам взыскания и в каком количестве были привлечены к ответственности за гибель продуктов [виновные]; д) предложить Наркомпроду выработать точные нормы продуктов широкого потребления нормированных и ненормированных продуктов питания, не подлежащих конфискации при провозе и проезде как по ж.-д., [так] и в особенности по грунтовым путям. *II. О монастырях и церквах для учре-*

ждений. Во всех случаях обжалования занятия монастырей и церквей передать вопрос на совместное рассмотрение Народного комиссариата внутренних дел и 8-го отдела Наркомюста на месте. *III. О переселяемых в Сибирь крестьянах*. Передать вопрос на рассмотрение Совнаркома. *IV. О трудовой и гужевой повинности*. Отложить вопрос до следующего заседания Президиума ВЦИК, вызвав на него представителей Наркомтруда. *V. О всероссийском беспартийном крестьянском съезде*. Создать комиссию под председательством т. Калинина в составе тт. Владимирского, Осинского и Смидовича для обсуждения возможности созыва Всероссийского совещания представителей сельских комитетов. *VI. Об урегулировании и согласовании приемов ВЦИК и СНК*. Для рассмотрения вопроса создать ([совместно] с МК) комиссию в составе тт. [А.С.] Енукидзе, [Н.П.] Горбунова и [П.Г.] Смидовича. Созыв комиссии поручить т. Енукидзе»[129]. Данное постановление свидетельствует о большом представительском значении деятельности председателя ВЦИК и о том, что многочисленные ходоки в годы Гражданской войны оказывали определенное влияние на законотворческую деятельность парламента. Как установила советская историография, «секретариат Председателя ВЦИК предоставлял широкую возможность гражданам республики обращаться со своими вопросами и ходатайствами непосредственно в высший орган государственной власти – ВЦИК, к Председателю ВЦИК или его заместителям, к которым посетители лич-

но допускались без каких-либо затруднений (заодно тем самым серьезно ограничивались возможности отдельных членов Президиума ВЦИК принимать властные решения в условиях постоянных дерганий со стороны страждущих. – *С.В.*). Только за 9 месяцев 1920 г. […] приемную М. И. Калинина посетило 1136 человек», в 1923 г. «ежедневно приемную […] посещало в среднем 70—150 человек, а в приемные дни М. И. Калинина – 200 человек. Общее число ходатайств за 1923 г. […] – 30 тыс.»[130]

Как и М. И. Калинин, активно работали по партийной линии В. А. Аванесов и А. С. Енукидзе. Последний, правда, строго разделял работу партийную и советскую – об этом свидетельствует его объяснительная записка от 22 сентября 1921 г.: «Я нахожу неудобным на бланке ВЦИК выдать официальный мандат за подписью представителя партийного центра»[131]. Очевидно, Енукидзе стал первым бюрократом среди старых большевиков: руководителей Коммунистической партии и Советского государства такие мелочи не интересовали вплоть до времен М. С. Горбачева, который 4 часа считал себя руководителем партии, а 4 – государства.

Впрочем, политика В. И. Ленина, а также упорная и методичная деятельность руководителей Секретариата ЦК РКП(б) – Н. Н. Крестинского, затем гораздо более успешного в своих начинаниях И. В. Сталина, достаточно быстро вышибли из «верх[овного] предст[авителя] власти»[132], как иронически окрестил М. И. Калинина К. Е. Ворошилов, пре-

тензии на автономию от высшего партийного руководства. Когда в мае 1923 г. К. Е. Ворошилов в ходе рабочего турне по Кавказу предложил М. И. Калинину «махнуть […] на денек» в Тифлис к Г. К. Орджоникидзе, глава Советского государства наотрез отказался, «вразумительно» втолковав в голову бесшабашного рубаки, коим все еще оставался К. Е. Ворошилов: «без разрешения ЦК» подобные вещи не делаются[133]. К тому же, вполне объективно, с переходом страны на мирные рельсы рабоче-крестьянский «союз» наполовину утратил свое значение и, соответствующим образом, утратили свое значение М. И. Калинин и его приемная. По собственному признанию главы Советского государства, сделанному не без самоиронии в мае 1924 г., в «РСФСР у крестьян есть […] человек, на жилетке которого они могут поплакать, и как будто поплакав, они кое-что получают: это – канцелярия Калинина. Правда, они там на 0,99 получают отказ, но все-таки они говорят: “Я получил отказ от власти”»[134].

Как это ни парадоксально, на XII съезде РКП(б) 1923 г. М. И. Калинин вполне серьезно отнесся к вопросу о смычке города с деревней, заявив товарищам по партии на XIII съезде РКП(б) 1924 г.: «Я зарубил себе в памяти слова Г. И. Петровского на заседании ЦК, когда т. Петровский рассказывал о том, что во время своей поездки по Украине он слышал от многих крестьян заявления, что для рабочих и курорт, и кооперация, для рабочих и “скидка в аптеке”, а нам, кре-

стьянам, – ничего»[135]. Во всяком случае, в 1924 г. и сам М. И. Калинин, и Н. К. Крупская уделили изрядное количество времени, отведенного им на доклад и содоклад на XIII съезде о работе в деревне, вопросу о шефской работе профсоюзов в деревне, направленному на просвещение крестьян в условиях прогрессирующей безграмотности населения[136].

В 1920-е гг. М. И. Калинин, как свидетельствуют опубликованные стенографические отчеты заседаний всероссийских съездов РКП(б) – ВКП(б), Пленумов ЦК и его Политбюро, на деле пытался отстаивать крестьянские интересы, прямо назвав себя на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 февраля 1926 г. «единственным защитником сельского хозяйства»[137]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.